

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 82.09



Поэтика образа главной героини повести Е. Ган «Утбалла»

Любовь Борисовна Четырова¹, Алексей Сергеевич Сахаров²

¹ Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королева
(д. 34, Московское шоссе, 443086 Самара, Российская Федерация)
доктор философских наук, профессор
 0000-0001-5064-8735. E-mail: chetyrova@gmail.com

² Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королева
(д. 34, Московское шоссе, 443086 Самара, Российская Федерация)
лаборант-исследователь
 0000-0003-1843-2445. E-mail: saharovatlt@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Четырова Л. Б., Сахаров А. С., 2022

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена рассмотрению поэтики образа главной героини повести Е. Ган «Утбалла», высоко оцененной В. Г. Белинским. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью данного литературного произведения, а также применением междисциплинарного подхода, сочетающего в себе литературоведческую и философскую компоненты. *Цель* статьи заключается в анализе образа героини повести в перспективе гендерного ориентализма с учетом жанровых особенностей произведения. *Материалом* для данной статьи служит текст повести Е. Ган «Утбалла», отражающей драматизм жизни девушки-полукровки в русской и калмыцкой культурной среде. Важным для анализа повести является тот факт, что писательница была дочерью Главного попечителя калмыцкого народа А. М. Фадеева, взгляды которого повлияли на нее. *Методологическую основу* исследования составляют гендерный ориентализм и историческая поэтика. При анализе мы опирались на поэтику модальности и феномен деканонизации жанров. *Результаты.* Проанализировав особенности поэтики повести «Утбалла», мы пришли к выводу, что ключевую сюжетообразующую функцию в произведении играют жанровые нарративы реализма и романтизма. С помощью совмещения романтической и реалистической повествовательных логик автор создает уникальный сюжет, представляющий интерес для рассмотрения в исследовательской перспективе гендерного ориентализма. Драма главной героини повести состоит в том, что, усвоив европейскую эпистемическую философию, героиня воспринимает и оценивает сквозь нее калмыцкую культуру, принадлежа к ней по рождению, но не принимая и отторгая ее. В итоге героиня оказывается в ситуации особого двоемирия, где ни один из миров не является совершенным. Описывая трагическую судьбу Утбаллы, автор тем самым ставит вопрос о месте женщины в патриархальном обществе.

Ключевые слова: калмыки, русские, поэтика, историческая поэтика, повесть, светская повесть, жанр, романтизм, двоемирие, гендерный ориентализм

Благодарность. Статья и исследование выполнены при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Особенности цивилизационного пути России: Азиатская Россия в контексте колониальности/ модерности (на примере ойрат-калмыков и тувинцев)» (№ 22-28-01767).

Для цитирования: Четырова Л. Б., Сахаров А. С. Поэтика образа главной героини повести Е. Ган «Утбалла» // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 3. С. 649–664. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-649-664

***Utballa* by Yelena Hahn: Poetics of the Main Character's Image Analyzed**

*Lyubov B. Chetyrova*¹, *Alexey S. Sakharov*²

¹ Samara National Research University (34, Moskovskoe Shosse St., 443086 Samara, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy), Professor

 0000-0001-5064-8735. E-mail: chetyrova@gmail.com

² Samara National Research University (34, Moskovskoe Shosse St., 443086 Samara, Russian Federation)

Research Assistant

 0000-0003-1843-2445. E-mail: saharovatl@gmail.com

© KalmSC RAS, 2022

© Chetyrova L. B., Sakharov A. S., 2022

Abstract. Introduction. The article examines poetics of the protagonist's image in Yelena Hahn's *Utballa* which was highly appreciated by V. Belinsky. The literary work remains understudied, which makes it relevant enough to be approached with interdisciplinary analytical strategies that combine both literary and philosophical components. **Goals.** The paper attempts an analysis of the protagonist's image from a perspective of gendered Orientalism with due account of genre specifics. **Materials and methods.** The study analyzes the text of the novel describing the life drama of a half-blood girl in Russian and Kalmyk cultural environments. The fact that the author's father A. Fadeev had served as Chief Supervisor of the Kalmyk People — and his views on colonization may have influenced the former — proves essential in our analysis that rests on modality poetics and gendered Orientalism. **Results.** The insights into poetical specifics of *Utballa* conclude that genre narratives of realism and romanticism play a key plot-forming function in the novel. A combination of romantic and realistic narrative logics yields a unique plot of certain interest to be examined from a perspective of gendered Orientalism. The drama of the protagonist's life is explained by that having been incorporated into European epistemic philosophical frames she tends to view from the latter positions — the Kalmyks and culture she belongs to by birth but refuses to accept. As a result, the girl finds herself in a situation of two-worldness where none of the worlds is perfect enough. Describing the tragic fate of *Utballa*, the author thus addresses the question of woman's place in patriarchal society.

Keywords: Kalmyks, Russians, poetics, historical poetics, novel, mundane novel, genre, Romanticism, two-worldness, gendered orientalism

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-28-01767 ‘Peculiarities of Russia’s Civilizational Path: Asian Russia in Colonial and Modernity Contexts (Case Studies of Oirat-Kalmyks and Tuvans)’.

For citation: Chetyrova L. B., Sakharov A. S. *Utballa* by Yelena Hahn: Poetics of the Main Character’s Image Analyzed. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(3): 649–664. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-649-664

Введение

По мере того как у исследователей возрастает интерес к прошлому народов, входивших в состав Российской империи, в современных гуманитарных науках появляются новые стратегии анализа положения представителей этих народов в имперских структурах повседневности и регионах иного опыта. Все чаще современные литературоведы предпринимают попытки поиска синтезирования философских и искусствоведческих подходов и методов к изучению жанров в произведениях прошлого. В данной статье мы попытаемся применить такой междисциплинарный подход к литературному произведению первой половины XIX в. для того, чтобы исследовать традиционно литературоведческую проблематику повести Елены Ган «Утбалла» — средствами не только литературоведческого, но и философского анализа.

Цель статьи заключается в анализе способов конструирования автором образа героини повести в перспективе гендерного ориентализма с учетом жанровых особенностей произведения.

Материалы и методы

Материалом для исследования выступила опубликованная в 1837 г. под псевдонимом Зенеида Р-ва повесть Е. Ган «Утбалла», посвященная девушке-полукровке, дочери калмычки и русского откупщика, волею судьбы оказавшейся в русской культурной среде, а затем, после смерти отца, возвращенной в калмыцкую степь. Автор повести, будучи дочерью Главного попечителя калмыцкого народа А. М. Фадеева (1836–1839) и проживая подолгу в г. Астрахани, была знакома с бытом, обычаями и традициями калмыков. Дореволюционная исследовательница творчества писательницы Е. С. Некрасова в биографическом очерке подчеркивает, что Е. Ган в своей повести «знакомит с нравами и жизнью калмыков. Здесь описываются их жилища, игры, забавы, порядки, общественное устройство, и даже наказания, причем все приведено, кстати, умело, интересно» [Некрасова 1886: 556]. Свою роль в знании писательницей культуры калмыков сыграла ее мать Е. П. Фадеева, которую называют *первой дамой естественной истории*¹. Важную роль в видении Е. Ган героини и описании перипетий ее судьбы сыграли взгляды ее отца².

¹ Е. П. Фадеева была высокообразованным человеком, владела несколькими языками, проводила научные изыскания в разных областях. Она собрала разнообразные и богатые археологическую, нумизматическую, этнографическую коллекции [Валькова 2008].

² Судя по автобиографии А. М. Фадеева [Фадеев 1897], он придерживался британской модели колонизации, согласно которой колониальная администрация предоставляла относительную самостоятельность индийским княжествам в их внутренней политике. По словам лорда А. Уэсли, при котором сложилась такая система отношений британцев с индийскими государствами, всякое внешнее вмешательство может привести к нежелательным следствиям (цит. по: [Кальянова 2014: 87]).

Значимость данной повести Е. Ган, а также высокие художественные достоинства произведения подтверждает тот факт, что повесть получила высокую оценку знаменитого литературного критика В. Г. Белинского [Белинский 1843: 16–17]. Более того, повесть Е. Ган была переведена на французский и немецкий языки, причем Е. С. Некрасова отмечает, что французы «до сих пор не перестают читать произведения Зенеиды Р-вой... Еще недавно вышел в Париже перевод повести Утбалла» [Некрасова 1886: 557–558].

Рассмотрение представленного для анализа произведения построено на методологических основаниях исторической поэтики. Историческая поэтика — в данном случае полученные ею результаты в изучении направлений романтизма и реализма — становится все более актуальной в контексте развития постмодернистского искусства. Начиная со второй половины XX в. постмодернизм задал установку для развития современного искусства — превосходство формы над содержанием. Интерес к форме, а в случае литературы — к жанру, побуждает исследователей обратиться к поискам новых подходов к анализу литературных произведений прошлого, к их проблематике и нарративам.

Методологической основой статьи выступает также гендерный ориентализм. Исследовательский интерес к постколониальным феноменам возник в середине XX столетия как результат интеллектуального осмысления политических процессов деколонизации и перспектив развития постколониальных стран.

Автор повести в оптике гендерного ориентализма

В обзорной статье Е. Пономарев отмечает, что применение гендерного подхода открыло новые возможности для колониальной критики. Так, С. Миллз, анализируя женские травелоги, отметила, что женщина, описывающая жизнь колоний, часто не занимает и не принимает позицию колонизатора, а, будучи сама гендерным субалтерном, сочувствует колонизируемому. Женщина-европейка в какой-то мере чувствует свою близость к ним, так как ущемлена в своих правах, как и они [Пономарев 2020].

Теория гендерного ориентализма, которую развивали такие британские и американские исследователи, как С. Миллз, Р. Льюис, Д. Хаддарт, а также российский исследователь М. Тлостанова, обращается к проблеме роли и места женщин в дискурсе ориентализма. Гендерный ориентализм появился в результате критики Эдварда Саида — автора концепции ориентализма, рассматривавшего ориенталистские процессы как исключительно маскулинные и, следовательно, упускавшего из внимания положение в них женщин [Lewis 2003: 15–18].

Представители данного исследовательского направления на примере творчества европейских писательниц и художниц XIX столетия демонстрируют двойственную природу женского взгляда на ориентализированных субалтернов. Как пишет британская искусствовед Р. Льюис, с одной стороны, женщины испытывают сочувствие к колонизированным и не разделяют свойственного мужчинам пафоса покорителя-колонизатора, с другой — видят освобождение колонизированных от страданий только в принятии колониальной культуры, сохраняя тем самым представление о европейском превосходстве [Lewis 2003: 21–22]. Рассуждая о теме женской солидарности в творчестве писательниц-путешественниц, Р. Льюис пишет:

Хотя женщины-писательницы часто выражали сочувствие «туземным» женщинам или критиковали колониальную администрацию, было бы ошибкой воспринимать это как отвлеченный феминистский гнев. Помимо личного консерватизма многих женщин-путешественниц, протофеминистская забота о «местных» женщинах была сама часто конструируема теми же представлениями о белом превосходстве и цивилизации (индийские женщины угнетаются своими мужчинами и должны быть освобождены их более продвинутыми белыми сестрами) [Lewis 2003: 22]¹.

Опираясь на малоизвестные работы «потерянных» женщин-ориенталистов, С. Миллз утверждает, что женщины в силу своего положения не могли занимать позицию превосходства. Сочувствие к угнетенной женщине в колонии в данном случае продиктовано совпадением положений женщины в патриархальном европейском обществе и ориентализированных народов под колониальным владычеством [Mills 1991: 3–8]. Статусное положение европейских женщин и положение колонизированных совпадают не только в подчиненности — субалтерности, но и функционально, так как и женщины, и колонизированные народы своим подчинением утверждали европейскую маскулинность [Lewis 2003: 18].

На необходимость учета гендерного измерения колониальных процессов указывает также М. Глостанова:

Колониальное воображаемое с самого начала было наполнено гендерным измерением, которое помогло утверждению европейской маскулинности. Белый мужчина воображал себя в оппозиции к колонизированному мужчине, который представал в интерпретации европейца женственным, либо был просто частью иррациональной природы, а сама природа прочно связывалась с метафорами женственности [Глостанова 2009: 93].

Если же обратиться к западному феминистскому дискурсу, в котором артикулируется вопрос об универсальной феминности, то выясняется, что такая постановка вопроса исключает неевропейских женщин из этого дискурса. Как пишет М. Глостанова:

...и белый феминизм по умолчанию решил, что все женщины белые, что пол объединяет их всех просто биологически. Ведь только их история принималась во внимание как универсально женская. А женщины, исключенные из этой картины, были не просто ниже белых западных женщин. Они воспринимались как животные в гораздо большей мере, чем это обычно для белой культуры [Глостанова 2009: 104–105].

Несмотря на то, что женщины-литераторы сами находились в положении субалтернов, они не могли не усвоить миф о европейском превосходстве. Как было сказано выше, освобождение от патриархального гнета для женщин из колоний, являвшихся этнически и расово Другими, возможно только через принятие европейской цивилизации.

Если посмотреть в перспективе гендерного ориентализма на творчество Елены Ган, то можно увидеть, что она с сочувствием пишет об истории калмыков, которые ныне представляют собой *обломок престола монгольского, бедный лоскуток*, оторванный «от всемирного царственного войлока Чингисханова,

¹ Перевод А. С. Сахарова.

который покрывал собой четверть земного шара, от Пекина до Новгорода» [Р-ва 1838: 188–189]. В уста одного из героев повести — русского чиновника она вкладывает следующие слова: «Не говорили бы вы об них с таким презрением в то время, когда пол-вселенной, в том числе и Россия, принадлежало калмыкам!» [Р-ва 1838: 194]. Оценивая современное ей состояние калмыков, автор с сочувствием и сожалением пишет: «Наследник того, перед кем дрожали Восток и Запад, дрожит перед заседателем земского суда» [Р-ва 1838: 188–189].

Вряд ли в произведениях мужчин-писателей той поры можно встретить подобные суждения.

Симпатия Е. Ган к своей героине-полукровке, обладающей двоякой маргинальностью: биологической и социальной, объясняется ее собственным маргинальным положением провинциальной женщины-писателя. Е. Ган тщательно скрывала свое имя, взяв псевдоним Зенеида Р-ва, не из скромности, а из боязни навлечь на себя негодование провинциального общества, не терпящего любую инаковость [Некрасова 1886: 558]. И. Савкина, характеризуя инаковость женщины-писателя, приводит слова самой Е. Ган из повести «Суд света», в которой провинциальная толпа оценивает героиню-писательницу, называя ее «уродливой прихотью природы, вырождаком женского рода», которого «приглашали напоказ, как пляшущую обезьяну, как змею в фланелевом одеяле» [Ган 1843: 216]. Не только для провинциальной толпы, но и для столичных литераторов женщина-писатель, провинциалка, пришлая, т. е. чужая. Такова судьба не только Е. Ган, но и Н. Дуровой, М. Жуковой, С. Закревской, А. Марченко [Савкина 1998]. Никто из них не входил ни в какие литературные сообщества, они не были богаты, но зарабатывали на жизнь литературным трудом. Е. Ган, например, получила за одну повесть 1 500 рублей, достаточно большую сумму по тем временам [Некрасова 1886: 560].

Главное, чего они хотели, — быть признанными в профессиональном мире, отстаивая при этом свои права. Как пишет И. Савкина, Е. Ган прервала сотрудничество с «Библиотекой для чтения», не желая более выносить деспотизм и редакторский произвол О.-Ю. И. Сенковского. И. Савкина также отмечает, что русские женщины-писатели чаще всего используют женские, а не мужские псевдонимы. Такое подчеркивание своей гендерной принадлежности, полагает она, позволяет им создать с помощью нарративных стратегий свою идентичность писателя-женщины [Савкина 1998]. Таким способом они находили себе место в литературном дискурсе, имевшем в то время ярко выраженный маскулинный характер. Иначе говоря, их писательская деятельность с необходимостью вела к тематизации женского вопроса.

Е. С. Некрасова полагает, что именно Е. Ган впервые поставила женский вопрос в своих сочинениях. По ее словам, писательница, как человек хорошо образованный и развитый, видит причину бесцветности, пустоты женского существования в отсутствии солидного образования, отсутствии основательных знаний. В этом она опережает своих современников [Некрасова 1886: 554–555].

Женский вопрос ставился писательницей не только в плане образования женщины и ее занятий, но и в плане чувства. В «Утбалле» Е. Ган вводит различие женской и мужской любви, иронически сравнивая последнюю со спящим вулканом, который, пробуждаясь, грозит все погубить: «Беги от меня!.. все

сожгу!.. тебя, себя, всех, весь мир! ... у меня ад в груди» [П-ва 1838: 229]. Поэтому, зная образ мыслей мужчин, она предпочитает, чтобы о любви женщины судили только женщины: «Судить и решить дело княгини Утбаллы должны одни женщины» [П-ва 1838: 215]. Если любовь мужчины, с точки зрения Е. Ган, эгоцентрична и разрушительна, то любовь женщины жертвенна. Ради спасения жизни любимого и ради нескольких дней счастья с ним Утбалла готова отдать свою жизнь.

Таким образом, Елена Ган не только внесла свой вклад в историю женского вопроса в России, но стала первой писательницей, открывшей путь к иному дискурсу. Несмотря на использование просвещенческих установок в описании дикаря-неевропейца, она в силу своей собственной маргинальности как женщины-писателя, т. е. субалтерна в глазах профессионального маскулинного сообщества литераторов, лучше понимает переживания своей героини-полукровки, симпатизируя и проявляя к ней сочувствие.

Повесть «Утбалла» как произведение поэтики модальности

Традиционно теоретиками исторической поэтики выделяются три этапа периодизации развития эстетического сознания: синкретический, эйдетический и модальный [Историческая поэтика 2019: 11–16]. Первые два являются вполне устоявшимся общим местом для исследователей, невзирая на некоторые разночтения в трактовке ряда аспектов каждого из них. Третий же вызывает споры по поводу своей релевантности исследуемому материалу — искусству периода конца XVIII в. и вплоть до сегодняшнего дня [Теория литературы 2004: 4–12]. Модальная эстетика предполагает, что отношение автора к произведению выступает как всеобъемлющий поэтический принцип [Зенкин 2018: 255–262]. Если эйдетическая эстетика требовала от автора наиболее мастерское воспроизведение готовых форм, то модальная эстетика более индивидуальна и требует сильной фигуры автора и его рефлексии [Ужанков 2008: 341–346].

Деканонизация означает ослабление готовой формы, т. е. собственно жанра и его внутренних эстетических и нарративных предписаний, что создает возможность индивидуального творчества [Лосев 1973: 6–16]. Деканонизация жанров приходится на промежуточный этап между эйдетической и модальной поэтиками, став важнейшей предпосылкой формирования русской литературы XIX столетия [Бройтман 1986: 78–82; Фрейденберг 1973: 490–497].

Жанр светской повести появляется в русской литературе в 20–30-е гг. XIX в. Светская повесть определяется «как произведение, в котором „свет“ выступает в качестве структурообразующего компонента, определяя основной конфликт, динамику сюжетного развития, взаимоотношений между персонажами, принципы построения характеров и общую эмоциональную тональность всего произведения. Уникальность этого жанра заключается в двойственной — одновременно реалистической и романтической — организации художественного мира» [Иезуитова 1973: 172–173]. Реалистическая сторона светской повести включает в себя следующее: светские интриги как элемент организации сюжета; художественное «изучение» общества; сильный идеологический план; психологизм и рациональность героев [Иезуитова 1973: 176]. В свою очередь романтизм привносит в светскую повесть романтическое двоемирие; иррациональность

главного героя; интерес к экзотике, мистицизму, фольклору и природе [Иезуитова 1973: 178]. От зрелого реализма светская повесть отличается отсутствием идеологического разделения второстепенных героев, как, например, в полифоническом романе Ф. М. Достоевского, где каждый из героев обладает своей полноправной идеологической точкой зрения, организующей полемический конфликт произведения [Бахтин 2002: 202]. В светской повести второстепенные герои объединены в одну большую группу, фактически представляющую собой полноценное действующее лицо, а именно — свет, т. е. высшее общество. Иначе говоря, в светской повести присутствует разделение на два мира: свет (высшее общество) и обычный мир. Эта особенность сближает светскую повесть с романтической эстетикой, так как помещает героя в ситуацию двоемирия, что подразумевает отчуждение от земного мира и устремленность в мир идеальный (совершенный) [Федоров 1983: 20].

Благодаря такому внесению в светскую повесть романтической эстетики Е. Ган задолго до появления термина «деканонизация жанров» осуществила эту процедуру.

М. А. Сизова определяет рассматриваемое нами произведение как светскую повесть романтического типа [Сизова 2007: 7]. Главная героиня анализируемой повести — девушка по имени Утбалла, внебрачная дочь состоятельного русского откупщика и калмычки из степного хотона. Детство героини до семи лет проходит в степи среди калмыков, а отрочество и юность — в провинциальном городке, куда отец, забрав у матери, ее привозит. Не имея собственной семьи, откупщик отдает ее в русскую дворянскую семью Снежиных, чтобы девушка могла получить светское воспитание и образование. Хозяйка дома Снежина, овдовев, ведет замкнутый образ жизни и, чтобы занять себя, обращает свой взор на соседскую девочку-полукровку, имя которой Утбалла означает распустившийся цветок¹. Дворянка, заметив в девочке «какие-то способности», «вздумала образовать *степной цветок* (выделение авторов статьи. — Л. Ч., А. С.)» [Р-ва 1838: 145]. Е. Ган описывает отношение Снежиной к девушке-калмычке в просветительском духе, согласно которому человеческая природа универсальна [Елистратова, Тураев 1998: 20], а значит дикарка может рассматриваться равной с ними. Е. Ган пишет, что Снежина, «полюбив дикарку, поставила ее в своем доме на одной ступени со своей дочерью и не обращала внимания на различия в их званиях» [Р-ва 1838: 146].

Писательница показывает, что, несмотря на хорошее к ней отношение в семье Снежиных, героиня, ощущая свою инаковость, чувствует себя чужой в русской среде. Снежина ради выросшей дочери и ее воспитания, которое также состоит и в умении вести себя в светском обществе, прерывает затворничество и начинает приглашать в свой дом светских гостей. Утбалла оказывается в кругу светских дам, из уст которых она слышит в свой адрес колкости, указывающие на ее «варварское» происхождение. Е. Ган пишет, что «тут то Утбалла узнала в первый раз горькое чувство неравенства. Дамы и девицы смотрели на нее с улыбкой оскорбительной жалости, обращались с

¹ Е. А. Вяткина приводит два возможных варианта перевода имени героини — «хризантема» (Р. М. Ханинова) и «голубой лотос» (М. У. Монраев), указывая на расхождение с авторской интерпретацией имени «распустившийся цветок». По ее мнению, автор тем самым отсылала к преданию о цветке, которое она приводит в повести [Вяткина 2013: 73].

ней очень холодно, или вовсе не достаивали ее своего внимания» [Р-ва 1838: 146]. Автор подчеркивает, что причиной отчужденности героини является инаковость, связанная с ее происхождением, ментальностью, а не с внешним обликом. Поскольку она была полукровкой, то в «окладе ее лица не было ничего калмыцкого» [Р-ва 1838: 146].

Во второй, «калмыцкой» части своей жизни, уже будучи замужем за калмыцким князем и живя в калмыцком кочевье в степи, она вновь встречает своего возлюбленного — Бориса Снежина, который предлагает ей совершить побег. Утбалла отвергает его предложение, помня о своей отчужденности в светском обществе, полагая, что свет отвергнет не только ее, но и ее возлюбленного:

Вспомни, мой друг, как в наших городах презирали меня за одно мое происхождение, хотя тогда я была богата? Теперь же я ничего не имею, и судьба еще больше заклемила меня! [Р-ва 1838: 217].

Наиболее важной причиной отчуждения Утбаллы, как показывает писательница, является ее нерациональность, выражающаяся в ее неспособности взаимодействовать со светом. Героиня не способна к светской игре, «плетению» интриг, долгим и глубоким диалогам. Более того, она отвергает предложение польстившегося на ее богатое приданое пожилого русского генерала заключить с ним статусно выгодный брак. Для героини реалистического типа выбор собственной судьбы основан на рациональной составляющей, поэтому способность адаптироваться в обществе — фундаментальная черта характера. Даже в ситуации отчуждения, что часто встречается, например, в романах Достоевского, реалистический герой решает свои проблемы рационально, прогнозируя результат. Утбалла же, как показывает автор, обнаруживает тотальную неспособность к этому, переживая свой конфликт с обществом нерационально, чувственно.

Примечательно, что перевод внутренней жизни героя в чувственную сферу наиболее характерен для сентименталистов-просветителей, «благородные дикари» которых больше чувствовали, чем рассуждали или делали. Следование чувству — ключевая, по существу, единственно возможная характеристика неевропейского Другого.

Описывая жизнь героини в степи, Е. Ган дает следующие характеристики калмыков как Других — «древняя энергия характера этого народа, особенно женщин, не совсем еще угасла» [Р-ва 1838: 194]. Ради недели жизни с возлюбленным Утбалла решает пожертвовать собой и принять позорную смерть. Писательница объясняет это решение, на которое «не решилась бы ни одна нежная европейка», «энергией ее монгольской крови». Е. Ган мыслит здесь в категориях оппозиции цивилизованность (рациональность) — дикость (чувственность). Как известно, Н. Элиас в своем труде о процессе цивилизации видел исток цивилизации в появлении абсолютной власти монарха, королевского двора, дворянского сословия, что и способствовало появлению светского общества или света. Важной характеристикой этого процесса является появление контроля над чувственностью и ее проявлениями, осуществляемого как самопринуждение, как «бесстрастное самообладание» [Элиас 2001: 247].

Е. Ган указывает на конфликт между воспитанностью/образованностью и чувственностью героини, дикая кипучая кровь которой «заговорила сквозь

все преграды и стены, какими обнесло ее пылкостью образованное воспитание» [Р-ва 1838: 230]. Писательница здесь выразительно описывает процесс формирования самоконтроля / самопринуждения и сопротивление героини ходу рационализации.

После отъезда семейства Снежиной в Петербург ощущение одиночества у героини возрастает. Одиночество героини автор характеризует, указывая на ее маргинальное положение: Утбалла оказалась за пределами обоих миров — и русского, и калмыцкого:

По чувствам и образованию Утбалла стояла слишком высоко над обществом своего города; по рождению слишком низко под ним. Положение самое невыгодное. Равные называли ее спесивой барышней, высшие дерзкой девчонкой, и она, как изгнанная пери, осуждена была скитаться между небом и землей, не смея ни возвыситься до светлых сводов неба, ни опуститься на землю [Р-ва 1838: 173].

Противопоставление Утбаллы и светского русского общества на основе принципа рациональности придает двоemiрию повести иной, отличный от романтического двоemiрия характер. Если в классическом романтизме земной филистерский мир вызывает у героя отторжение из-за того, что тот является в платоническом смысле неудачной копией идеального мира, то Утбалла не принимает мир светского общества вынужденно, так как неспособна принять рациональный мир света вследствие своей природной неспособности быть рациональной. Иначе говоря, автор полагает, что героиня, несмотря на свое воспитание в русской дворянской среде, оказалась неспособной к усвоению рациональной эпистемической философии, определяющей восприятие себя и мира. Однако с этим нельзя полностью согласиться, так как в повести восприятие Утбаллой калмыцкого мира описывается через европейскую эпистемическую философию, сформировавшуюся у нее в русской среде.

Следовательно, автор повести, переплетая в сюжете нарративы реализма и романтизма, воссоздает опыт формирования европейской эпистемической философии у героини, которая вместе с тем сохраняет свою природную дикийскую чувственность.

Итак, как мы показали, писательница сочетает в своем произведении два художественных направления — реализм и романтизм. Описывая Утбаллу как романтическую героиню, автор подчеркивает ее стремление к одиночеству:

Испытав несколько оскорблений, она глубоко поняла свое двусмысленное положение, и с горечью в сердце удалилась от общества, предубежденного против нее тем, что не было виною с ее стороны [Р-ва 1838: 147].

Романтический герой всегда одинок и исключителен. И. Савкина пишет, что большинство исследователей творчества Е. Ган сходятся в том, что героини ее сочинений представляют собой тип необычной женщины: феминизированный вариант романтического изгнанника. В данном случае необычность героини создается с помощью экзотического материала — ее этничности. При этом если в русской среде она воспринимается как калмычка, то в калмыцкой — как крещеная русская. Е. Ган, как пишет И. Савкина, интересовали не исключительные личности бунтарок, а трагическая судьба обыкновенной женщины, чья необычность определяется не бунтарством, а другим средства-

ми, в данном случае этничностью героини [Савкина 1998]. Двойственность этничности Утбаллы — полу-русской и полу-калмычки — автор раскрывает, обращаясь к ее необычной внешности, в которой сочетаются европеоидные и калмыцкие черты:

От матери своей она наследовала только зубы ровные, белые, жемчужные и волосы, чернее всего, что есть черного в мире, волосы чудесные, мягкие как шелк и необыкновенной длины, глаза ее также были черные, исполненные удивительного мерцания, настоящие черные алмазы [Р-ва 1838: 146–147].

Далее автор переходит к чертам ее характера, в описании которого романтическая необычность героини проявляется в пылкости «монгольской крови, которую ее мать влила в ее нежные жилы» [Р-ва 1838: 180].

После смерти отца девушка в результате обмана лишается наследства и вынужденно возвращается в родную калмыцкую среду. Согласно романтической нарративной логике, именно здесь героиня должна обрести желанный идеальный мир, однако этот нарратив оказывается трансформированным. Внешне в калмыцкой части повести соблюдены все романтические условности: эстетизация экзотики, обильное описание природы и даже некоторые намеки на мистицизм — все это указывает на калмыцкую среду как на идеальный мир; за исключением одного — героиня снова не может адаптироваться, что приводит к ее трагической гибели.

Е. Ган описывает восприятие героиней дикого калмыцкого мира, в котором оказалась героиня, как тюрьмы, противостоящей миру *света умственного существования*:

Кругом нее степь, дикари и кинжалы. Эта степь — тюрьма ее. Никогда, о! никогда не увидит уже она свету умственного существования, теплого и благородного свету, которым люди наслаждаются за пределами этой тюрьмы [Р-ва 1838: 228].

Возникающая здесь аллюзия к платоновской пещере и миру идей за пределами позволяет понять, что прежний мир дворянской культуры воспринимается героиней как идеальный, что вполне согласуется с нарративом романтизма. Пребывание же в тюрьме/пещере *дикой* калмыцкой культуры закабляет героиню, облекая ее в оковы грубой чувственности:

Блестящий ум... тонкий, исполненный остроты и грации огрубел в атмосфере без идей и мыслей; нервы, одаренные такой удивительной и изящной чувствительностью, закоптились и отвердели в горьком и вонючем дыму юрты [Р-ва 1838: 183].

Здесь вновь возникает тема одиночества, которая развивается теперь в контексте калмыцкой среды:

И вот Утбалла одна, в необозримых степях, посреди дикого народа, которого язык, обычаи и образ жизни сделали ей совершенно чуждыми; она принуждена жить в дымной и грязной войлочной кибитке... сносить неопытность, невообразимую для городских жителей [Р-ва 1838: 177].

Для того чтобы подчеркнуть травматизм опыта перехода из мира цивилизации к миру степных кочевников, Е. Ган апеллирует к ее матери, которая «поняла

всю жестокость перехода от роскошной городской жизни к их дикой и грязной нищете» [Р-ва 1838: 182].

Следовательно, как показывает Е. Ган, героиней усвоены, несмотря на ее неспособность адаптации к социальным коммуникативным практикам, фундаментальные повседневные практики цивилизованной жизни. Для нее важен характерный для модерности культ чистоплотности, а значит европейская эпистемическая философия, через которую воспринимается быт, у героини сформировалась. Важность для героини европейской обстановки в доме (кибитке), а также гигиенических практик автор подчеркивает, характеризуя заботу престарелого мужа Утбаллы. Нойон нежил ее, угождая ей, купил мебель, столовые приборы, ввел требования опрятности [Р-ва 1838: 189].

Характеризуя ситуацию двоемирия, в которой оказалась Утбалла в калмыцкой степи, Е. Ган прибегает к важной для калмыков теме буддизма, используя концепцию перерождения. С идеями буддизма она была знакома благодаря своей матери Е. П. Фадеевой, интерес к которым подтверждает наличие у нее богатой буддийской коллекции¹. Однако знакомство писательницы с буддизмом не было глубоким, так как буддийскую концепцию перерождения она поняла неточно². Е. Ган описывает перемещение героини из дворянской среды в степную калмыцкую через смерть нежного дворянского тела и воплощение души в тело дочери степей. Героиня спрашивает себя:

Утбалла, кочующая в степи, и Утбалла, танцующая экосез в парадной гостиной Снежиных, не два ли существа, совершенно разные? не переходила ли посредством хубльгана или метемпсихоза некогда душа ее в городскую девушку, нарядную, счастливую, красивую, любимую, и по разрушении этого нежного и изящного тела не переселилась ли она в дочь степей? [Р-ва 1838: 188].

Однако умонастроение героини меняется с появлением в степи ее возлюбленного Бориса Снежина. Ее чувствительность, закоптившаяся и отвердевшая в горьком и вонючем дыму калмыцкой кибитки, вновь ожила:

Все восторженные чувствования, какие создает для женщин наша образованность, все идеи отвлеченного блаженства, которыми никто еще не наслаждался вполне на земле, все обманчивые надежды ума усовершенствованного, то есть изощренного в искусстве обманывать сердце и принимать мечту за действительность, пробудились в душе Утбаллы при появлении Бориса [Р-ва 1838: 228].

Гиперболизация страстей героев — характерная особенность романтизма. Описывая чувства героев, писательница обращается к излюбленному приему романтизма — раскрытию страсти и любви через обращение к природе и смерти. Е. Ган уподобляет чувство Бориса и Утбаллы грозной реке, пороги которой смертоносны, а значит могут погубить влюбленных. Она сравнивает их с мо-

¹ Калмыцкие князья, зная о ее интересе к буддизму, прислали ей «бурханов превосходной работы, в виде маленьких деревянных и глиняных идолов, и писанных красками на шелковых материях» [Фадеев 1897: 109 прим.].

² Е. Ган употребляет термин *хубльган* — *хубилган*, который она понимает как некий механизм, отвечающий за перерождение. Однако в тибето-буддийской традиции монгольский термин *хубилган* является переводом с тибетского *тулку*, обозначающее феноменальное тело будды. *Тулку* или *хубилганы* — постоянно перерождающиеся просветленные существа.

ряками, которые, проходя через страшные пороги, чувствуют в своих жилах «холод смерти». Борис и Утбалла неслись в потоке своей любовной страсти, завершением которой станут «разлука беспредельная, одиночество, слезы, тоска, медленно грызущая сердце, вот их удел» [Р-ва 1838: 168–169].

Художественный мир повести «Утбалла», формально сохраняя такую важную для романтизма идеологему, как двоемирие — разделение на идеальный и земной мир, на уровне содержания лишает идеальный мир, к которому устремлена героиня, трансцендентности. Автор описывает утраченный героиней и оцениваемый ею изнутри кочевой культуры мир образованности и духовности как совершенный. Однако этот желаемый мир отторгал ее как дикарку, укорененную в варварской культуре. Двоемирие повести, следовательно, лишаясь трансцендентного измерения, становится соседством двух одинаково чуждых героине миров.

Противопоставляя эти два мира, автор, опираясь, видимо, на оценку своего отца¹, оценивает проникновение в культуру кочевых калмыков элементов европейской культуры как нежелательное:

Шампанское запенилось в стаканах, шампанское, любимый и самый эфирный напиток образованности, который — о злоупотребление! — проник уже в юрты кочующих монголов, в жилы потомков Кублай-хана! [Р-ва 1838: 202].

Так, с помощью трансформации классических европейских нарративов — реалистического и романтического, Елена Ган находит язык описания психологической травмы, имеющей глубокие причины, в том числе и культурного характера. Если литература Просвещения описывала Другого, помещая его в европейский контекст и наделяя европейскими чертами, то Е. Ган разрушает сам контекст, обнажая пусть еще не то, что находится за пределами модерности, но уже сам зазор между нарративом модерности и нарративом Другого.

Примечательно, что процессы деканонизации жанров начинаются в конце XVIII в. Жанр становится условностью, а не абсолютным мерилем произведения [Зенкин 2018: 247]. Этой логикой и продиктованы жанровые трансформации, выделенные нами в повести Елены Ган. Повесть «Утбалла» является ранней попыткой описать в литературе колониальный опыт, недоступный в языке европейской эстетики того времени.

Выводы

Произведя анализ системы жанра, сюжета и героев повести Е. Ган «Утбалла», мы пришли к выводу, что образ героини создается автором с помощью трансформации жанров и нарративов реализма и романтизма. Используя нарратив реализма, она показывает одиночество героини, отторгнутой светским обществом.

Обращение к нарративу романтизма позволяет автору ввести героиню в ситуацию двоемирия, которое, однако, отличается от классического романтического двоемирия. Тот идеализируемый героиней мир образованной воспитанности, к которому устремлена душа героини, находящейся в среде диких кочевников,

¹ А. М. Фадеев в своих «Воспоминаниях» порицал князя Тюменя, имение которого посетил с семьей, за изобильные запасы шампанского и стремление стать похожим на европейца [Фадеев 1897: 124].

лишен трансцендентности и отторгает ее по причине ее инаковости. Свою инаковость героиня ощущает и в калмыцком мире, который также отторгает ее. Но и она, воспринимая и оценивая этот мир через ту эпистемическую философию, которую обрела в русской культурной среде, отвергает его. Отчужденность героини от обоих миров нарушает традиционную эстетику и логику повествования жанра. Автор раскрывает опыт колониальной раны героини, что, на наш взгляд, представляет большой интерес для анализа.

Являясь ярким примером женской прозы в русской литературе XIX в., повесть «Утбалла» отличается тем, что писатель-женщина ставит и решает проблему субалтернов в двух аспектах — этническом и гендерном. Главная героиня произведения — Утбалла — не может адаптироваться ни в одном из миров не только из-за своей этнической инаковости, но и как женщина.

Литература

- Бахтин 2002 — *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 7–300.
- Белинский 1843 — *Белинский В. Г.* Сочинения Зенеиды Р-вой // Отечественные записки. 1843. Т. 31. С. 1–24.
- Бройтман 1986 — *Бройтман С. Н.* «Бесы» Пушкина в свете исторической поэтики // Целостность литературного произведения как проблема исторической поэтики. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1986. С. 78–90.
- Валькова 2008 — *Валькова О. В.* Первая дама естественной истории // Природа. 2008. № 3. С. 91–96.
- Вяткина 2013 — *Вяткина Е. А.* Этнопоэтика повести Елены Ган «Утбалла» // *Oriental studies*. 2013. № 6 (1). С. 73–75.
- Ган 1843 — *Ган Е. А.* Сочинения Зенеиды Р-вой. Т. 2. СПб.: В тип. Константина Жернакова, 1843. 435 + 4 с.
- Елистратова, Тураев 1998 — *Елистратова А. А., Тураев С. В.* Введение // История всемирной литературы в 8 томах. Т. 5. М.: Наука, 1988. С. 19–32.
- Зенкин 2018 — *Зенкин С. Н.* Теория литературы: Проблемы и результаты. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 362 с.
- Иезуитова 1973 — *Иезуитова Р. В.* Светская повесть // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра / под ред. Б. С. Мейлаха. Л.: Наука, 1973. С. 169–199.
- Историческая поэтика 2019 — Историческая поэтика / сост. Е. А. Федорова. Ярославль: ЯрГУ, 2019. 88 с.
- Кальянова 2014 — *Кальянова Т. П.* Ориентализм и Британская Индия: литература, идеология, политика. Иркутск: ИГУ, 2014. 119 с.
- Лосев 1973 — *Лосев А. Ф.* О понятии художественного канона // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М.: Наука, 1973. С. 6–16.
- Некрасова 1886 — *Некрасова Е. С.* Елена Андреевна Ган // Русская старина. Т. 51–52. Сентябрь–декабрь. Вып. 9–12. 1886. С. 553–574.
- Пономарев 2020 — *Пономарев Е.* Постколониальная теория и литература путешествий. Взгляд из России // Новое литературное обозрение. 2020. № 161 [электронный ресурс] // URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21988/ (дата обращения: 10.09.2022).
- Р-ва 1838 — *Р-ва 3.* Утбалла // Библиотека для чтения. Журнал. Т. 26. 1838. С. 141–244.
- Савкина 1998 — *Савкина И.* Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х гг. XIX века) [электронный ресурс] // URL: https://a.ru/women_cd1/html/s_2.htm#appel27 (дата обращения: 20.09.2022).
- Сизова 2007 — *Сизова М. А.* Жанр «светской повести» в русской литературе 1830-х годов: творчество Е.А. Ган: автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 2007. 22 с.

- Теория литературы 2004 — Теория литературы: учеб. пособие для студентов: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко, С. Н. Бройтмана. Т. 2. М.: Издат. центр «Академия», 2004. 368 с.
- Тлостанова 2009 — *Тлостанова М. В.* Деколониальные гендерные эпистемологии. М.: Маска, 2009. 390 с.
- Ужанков 2008 — *Ужанков А. Н.* Стадиальное развитие русской литературы XI – первой трети XVIII века: Теория литературных формаций. М.: Литературный институт им. А. М. Горького, 2008. 528 с.
- Фадеев 1897 — *Фадеев А. М.* Воспоминания: В 2 ч. Одесса: Тип. Южно-Русского общества печатного дела, 1897. 256 с.
- Федоров 1983 — *Федоров Ф. П.* Система персонажей в позднеромантической литературе // Сюжет и художественная система. Даугавпилс: Даугавпилс. Пед. ин-т, 1983. С. 18–32.
- Фрейденберг 1973 — *Фрейденберг О. М.* Происхождение литературной пародии // Труды по знаковым системам. Вып. 6. Тарту: Тартуский государственный университет, 1973. С. 490–497.
- Элиас 2001 — *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 382 с.
- Lewis 2003 — *Lewis R.* Gendering Orientalism: Race, Femininity and Representation. London: Routledge, 2003. 267 p.
- Mills 1991 — *Mills S.* Discourses of Difference. An Analysis of Women's Travel Writing and Colonialism. New York: Routledge, 1991. 240 p.

References

- Bakhtin M. M. Issues of Dostoevsky's poetics. In: Bakhtin M. M. Complete Works. In 7 vols. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2002. Vol. 6. Pp. 7–300. (In Russ.)
- Belinsky V. G. Writings of Zeneida R-va [reviewed]. *Otechestvennye zapiski*. 1843. Vol. 31. Pp. 1–24. (In Russ.)
- Broitman S. N. Pushkin's 'Demons': A perspective from historical poetics. In: Integrity of Literary Text as an Issue of Historical Poetics. Kemerovo: Kemerovo State University, 1986. Pp. 78–90. (In Russ.)
- Elias N. The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations. Vol. 2. Moscow, St. Petersburg: Universitetskaya Kniga, 2001. 382 p. (In Russ.)
- Fadeev A. M. Memoirs. In 2 parts. Odessa: South Russian Printing Society, 1897. 256 p. (In Russ.)
- Fedorov F. P. System of characters in Late Romantic literature. In: Plot and Fiction System. Daugavpils: Daugavpils Pedagogical Institute, 1983. Pp. 18–32. (In Russ.)
- Fedorova E. A. (comp.) Historical Poetics: A Coursebook. Yaroslavl: [Demidov] Yaroslavl State University, 2019. 88 p. (In Russ.)
- Freidenberg O. M. The origins of literary parody. In: Works on Sign Systems. Vol. 6. Tartu: University of Tartu, 1973. Pp. 490–497. (In Russ.)
- Iezuitova R. V. Mundane novel. In: Meylakh B. S. (ed.) 19th-Century Russian Novel: History and Problematics of the Genre. Leningrad: Nauka, 1973. Pp. 169–199. (In Russ.)
- Kalyanova T. P. Orientalism and the British Raj: Literature, Ideology, Policy. Irkutsk: Irkutsk State University, 2014. 119 p. (In Russ.)
- Lewis R. Gendering Orientalism: Race, Femininity and Representation. London: Routledge, 2003. 267 p. (In Eng.)
- Losev A. F. The concept of artistic canon revisited. In: Canon in Ancient and Medieval Art of Asia and Africa. Moscow: Nauka, 1973. Pp. 6–16. (In Russ.)
- Mills S. Discourses of Difference: An Analysis of Women's Travel Writing and Colonialism. New York: Routledge, 1991. 240 p. (In Eng.)

- Nekrasova E. S. Yelena A. Hahn. *Russkaya starina*. 1886. Vols. 51–52 (September–December). Nos. 9–12. Pp. 553–574. (In Russ.)
- Ponomarev E. Postcolonial theory and travel writing: The view from Russia. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2020. No. 161. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21988/ (accessed: 10 September 2022). (In Russ.)
- R-va Z. Utballa. *Biblioteka dlya chteniya. Zhurnal*. 1838. Vol. 26. Pp. 141–244. (In Russ.)
- Savkina I. Provincials of Russian Literature: 1830s–1840s Women’s Prose. Wilhelmhorst: F. K. Gopfert, 1998. 223 p. Available at: https://a-.ru/women_cd1/html/s_2.htm#appel27 (-accessed: 20 September 2022). (In Russ.)
- Sizova M. A. The Genre of ‘Mundane Novel’ in 1830s Russian Literature: Works of Yelena A. Hahn Analyzed. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 2007. 22 p. (In Russ.)
- Tamarchenko N. D., Broitman S. N. (eds.) *Theory of Literature: A Coursebook for [University] Students*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Academia, 2004. 368 p. (In Russ.)
- Tlostanova M. V. *Decolonial Gender Epistemologies*. Moscow: Maska, 2009. 390 p. (In Russ.)
- Uzhankov A. N. *Stadial Development of Russian Literature, 11th to Early 18th Centuries: A Theory of Literary Formations*. Moscow: Maxim Gorky Literature Institute, 2008. 528 p. (In Russ.)
- Valkova O. V. The first lady of natural history. *Priroda*. 2008. No. 3. Pp. 91–96. (In Russ.)
- Vyatkina E. A. Ethnopoetics of Elena Gan’s novel ‘Utballa’. *Oriental Studies*. 2013. Vol. 6. No. 1. Pp. 73–75. (In Russ.)
- Yelistratova A. A., Turaev S. V. Introduction. In: *History of World Literature*. In 8 vols. Vol. 5. Gorky Institute of World Literature. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 19–32. (In Russ.)
- Zenkin S. N. *Theory of Literature: Problems and Results*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2018. 362 p. (In Russ.)